

Предисловие к первому русскому изданию

Предисловие к первому русскому изданию В предлагаемой теперь в русском переводе книге — «La Conquête du Pain» — я постарался набросать идеал того, как могла бы совершиться социальная революция на началах анархического коммунизма.

Критикой существующего строя, с точки зрения хозяйственной и политической, и вместе с тем разбором ходячих предрассудков насчет представительного правления, а также закона и власти вообще, которые я стараюсь подорвать, — я занялся раньше, в «Paroles d'un Révolté» (в русском переводе — «Распадение современного строя», или «Речи бунтовщика»)[1]*. Выводом из этого критического разбора была необходимость экспроприации, т. е. необходимость захвата обществом земли и всего накопленного богатства, нужных человечеству для производства и жизни, но находящихся ныне в частном владении... На этом моя работа — она печаталась в виде передовых статей в газете «Le Révolté» — была прервана арестом во Франции и тюрьмою.

Выйдя через три года из тюрьмы, я взялся за продолжение той же работы, в той же нашей газете «Le Révolté», перенесенной тем временем в Париж и впоследствии вынужденной судебным преследованием переменить свое имя в «La Révolté»[2]*.

Приступая к изложению того, как, по нашему мнению, могла бы и должна была бы совершиться социальная революция, я думал, что лучше будет не описывать идеал вообще, а взять вещественный пример и показать на нем, как, смело и разумно действуя во время революции, можно было бы перейти от теперешнего строя к коммунизму — безначальному, анархическому; как сами обстоятельства будут толкать в этом направлении, и как от нас самих будет зависеть: осуществить ли стремления, уже намечающиеся в современном обществе, или же — платя дань укоренившимся и далеко еще не искорененным предрассудкам — пойти по старым дорогам холопского прошлого, не водворивши ничего существенного в направлении к коммунизму.

Как вещественный пример я взял Париж и поступил так по следующим причинам.

Всякая нация, хотя бы и самая цивилизованная и самая передовая, представляет собою вовсе не одно целое, подведенное под один общий уровень. Напротив того, различные ее части стоят всегда на весьма различных ступенях развития.

Даже Франция, несмотря на ее две большие революции, 1789-1793 и 1848 года, несмотря на громадный материальный внутренний прогресс, который совершился в стране в течение девятнадцатого века (не внешний, как в Англии, которая богатела наполовину грабежом

Индии и других колоний), несмотря на громадную работу умов, вызванную во всех классах населения ее бурною политическою жизнью за последние сто лет, — несмотря на все это, Франция представляет собою по-прежнему агломерат, т. е. бессвязное сожительство самых разнообразных частей. Ее северо-запад даже в настоящее время отстает по крайней мере на полстолетия от ее восточных частей. Великая Революция, т. е. великое крестьянское движение, во время которого был уничтожен выкуп крепостных обязательств и крестьяне отобрали назад земли, захваченные у них за предыдущие двести или триста лет помещиками и монастырями, а также городские бунты, имевшие целью уничтожение городской, полукрепостной зависимости мастеровых и освобождение от почти самодержавной королевской власти, — это народное восстание распространилось по преимуществу в юго-восточных, восточных и северо-восточных частях Франции; тогда как северо-запад и запад остались оплотом дворян и короля и даже взялись за оружие в вандейском восстании против якобинской республики. Но то же самое разделение страны на восток и запад существует и по сию пору; и когда, в начале обоснования теперешней республики, выборы в палату должны были решить, чего хочет Франция — республики или возврата к монархии, — карта республиканских выборов (выбор 363-х республиканских депутатов) совпала с поразительною точностью с картою, на которой я как-то нанес все известные мне крестьянские и городские восстания в 1788-1792 годах. Только со времени утверждения теперешней республики республиканские идеалы начали проникать среди крестьян северо-западной и западной Франции.

Запад и восток Франции, ее юго-запад и северо-восток, ее центральное плато и долина Роны остаются отдельными мирами. И это различие резко выступает не только среди сельского населения этих областей (сельский полупромышленный кустарь французской Юры и бретонский крестьянин — две разные народности), но и среди городского населения. Сравните только Марсель или Сент-Этьен и Руан — с Ренном, где власть попов и вера в короля удержались еще поныне!

Франция, несмотря на целые века государственной централизации, а тем более Италия, и еще более того Испания, — страны местной, самостоятельной и обособленной жизни, объединенной только поверхностно столичным чиновничеством. В сущности, латинские страны, и даже Франция в том числе, — страны глубоко федералистические, чего, между прочим, совершенно неспособны понять государственники-немцы и немецкие якобинцы, которые вечно смешивают ненавистный им «партикуляризм» (выросший вокруг Саксен-Кобург-Ангальтских и тому подобных дворов) с федерализмом, т. е. стремлением к независимости у населения отдельных областей и городов.

В силу этого, для меня нет ни малейшего сомнения. что социальная революция во Франции — какой бы она ни приняла ход — будет иметь характер местный, общинный, а отнюдь не якобинский, не всегосударственный. Всякий передовой француз, знающий свою страну и не помешанный на якобинской централизации, отлично понимает (как понимал это Пи-и-Маргаль в Испании), что всякая революция проявится во Франции в виде провозглашения независимых коммун — как это было в 1871 году, когда коммуны были провозглашены в Париже и Сент-Этьене и попытки провозглашения коммуны были сделаны «бакунистами» в Лионе и Марселе. Какой бы ни заседал во Франции национальный парламент или конвент, не в нем будут вырабатываться начала социальной революции, а в отдельных городах,

которые так же мало будут слушаться парламента, как Париж в 1792-м и 1793-м годах мало слушался грозного Конвента.

Весьма вероятно также, что развитие революции будет различное в различных городах и что, смотря по местным условиям и потребностям, в каждой восставшей и провозгласившей свою независимость коммуне люди попытаются по-своему разрешить великий вопрос двадцатого века — социальный вопрос. Другими словами — если в латинских странах начнется социальная революция, то эта революция примет, без всякого сомнения, такой живой, многообразный, местный характер, какой приняла «революция городов» в двенадцатом веке, которую так прекрасно описал, в ее зарождении, Огюстен Тьерри[3]*. То же самое произойдет, несомненно, в Англии, а также и в большинстве городов Бельгии и Голландии. И для меня нет никакого сомнения также, что никаких шагов в социалистическом направлении (в смысле обобществления орудий производства) не будет сделано в России, покуда в отдельных частях нашего громадного отечества при почине городов не начнутся попытки обобществления земли прежде всего, и отчасти фабрик, и организации земледелия, а также, может быть, и фабричного производства на общественно-артельных началах. Так как я писал в «Révoltè» для французских рабочих, то я взял, конечно, Францию, и именно Париж, как самый передовой город Франции, и я постарался показать, как даже такой большой город, как Париж, мог бы совершить у себя и в своих окрестностях социальную революцию и как он мог бы дать ей укорениться, даже если бы ему пришлось — как пришлось республиканской Франции в 1793 году — выдержать нападение всех защитников гнилой старины.

В конце этой книги я был приведен к изучению вопроса «что и как производить?». И я рассмотрел его, по мере сил, в следующей книге, озаглавленной по-английски «Fields»[4]*.

П. Кропоткин, Январь 1902 г.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 21 апреля 2025 19:49:57

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 21 апреля 2025 19:50:18